

Крушение иллюзий, или Как рождалась новая российская школа (взгляд учителя, москвича-семидесятника)

Рассказ о рождении новой российской школы, о свободе творчества учителя, о временах «революционно-педагогического романтизма» и разочарований... Возможно, кому-то этот материал поможет разобраться в причинах пробуксовки бесконечных реформ в образовании...

А. Каспржак

■ Мое поколение пришло в школу во второй половине семидесятых, освоилось, приросло к учительскому ремеслу лет через пять, ровно в то время, когда школа советская погрузилась в состояние глубокой стабильности. Мы быстро поняли, что сутью пресловутой стабильности была элементарная истина: делать что-то новое можно было в том, и только в том случае, если ты доказал всем, что равным счетом ничего не меняешь, не трогаешь

устоев, так сказать. Но что самое любопытное, доказать истину «о вреде реформ вообще...»* оказалось труднее всего самому себе, ведь в школу-то мы шли с иллюзией, что непременно найдем «педагогический камень»...

** А. П. Островский. «На всякого мудреца довольно простота», диалог Глумова и Крутицкого.*

Первые шаги, или Лицемерие как норма жизни

Процесс «познания истины» происходил на фоне уходящей в историю легенды о лучшем в мире образовании страны пионеров освоения космоса. Надежда умерла во время знакомства с последней советской реформой системы образования*, «накрытой» уже через год-два перестройкой, так как подарила она нам лозунги вместо целей. Мы же к этому времени знали, *что школа наша никакая не советская, а просто школа, потому как она «не справилась (и никогда не справится. — А.К.) с главной возложенной на нее задачей: не смогла дать того, кого была дать обязана — будущего строителя коммунизма...»***. Это позволяло нам уже тогда несколько отстраненно созерцать потуги начальства по ее, школы, переустройству.

Первые, предсказуемо провальные шаги этой реформы компенсировались административным угаром начальников. Помню изумление от вида инструкции к плану развития школы, который надо было составить до... двухтысячного года. Сообразив, что назвать количество учителей истории, например, которое потребуется школе в 1999 году, нельзя, и параллельно озадачившись тем, что на рубеже веков мне будет 47 лет (одной ногой в могиле, как тогда казалось), я передал дела по

* Речь идет об объявленной в 1984 г. так называемой черненковской реформе образования. Была принята постановлением Верховного Совета СССР «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Реформа предполагала фактическое слияние общего среднего с всеобщим профессиональным образованием, что должно было сориентировать молодежь на выбор рабочих профессий, что принципиально расходилось с намерениями подавляющего большинства семей школьников.

** С. Морозов. Была ли советская школа действительно лучшей? 2012. URL: <http://www.dal.by/news/109/27-10-12-22/>

Единые учебники, разработки к ним понуждали нас писать в журналах «для проверки» то, что прописано в методичках, а не то, что происходило в классе на самом деле.

стратегическому планированию... секретарше, справедливо полагая, что до этого времени или ишак издохнет, или...

Здесь самое время обратиться к многочисленным сегодня поклонникам советского образования. Тем, кто не помнит ничего из того «светлого» времени, так как помнить по объективным причинам этого не может, но точно знает, что ТАМ было ХОРОШО, на том основании, что сегодня в школе не так, как хотелось бы. Правда, кому было хорошо, для каких таких свершений... Три зарисовки: воспитательная работа, предметная с идеологической прокладкой и небольшая история о достоверной отчетности.

Конец семидесятых. Я, организатор внеклассной и внешкольной воспитательной работы (заместитель директора в сегодняшней табели о рангах), имел привычку накануне 1 сентября писать все планы и отчеты на год вперед, освобождая тем самым время для содержательной работы. Решил делать так после проверки, в ходе которой нам так и не удалось доказать инспектору (рискну предположить: выпускнику какой-нибудь комсомольской или партийной школы), что в ходе постановки спектакля может осуществляться не только эстетическое, но и трудовое, и патриотическое воспитание. Тут пришло осозна-

ние, что планы по каждому направлению воздействия на воспитуемых пишутся не для того, чтобы их выполнять, а для того, чтобы они были. К делу планы и отчеты не имеют никакого отношения, и потому их надо попросту написать, сдать. Но вот сдавать и планы, и отчеты в сентябре не стоило. Впрочем, весь год все было тихо. Но в мае, когда были запрошены отчеты, выяснилось, что... Скандал был вселенский. Впрочем, так было во всем.

То же время. Единые учебники по всем предметам, разработки к ним понуждали нас писать в журналах «для проверки» то, что прописано в методичках, а не то, что происходило в классе на самом деле. При этом самыми проверяемыми темами были те, которые относились к изучению материалов очередного съездоносного съезда КПСС. Они, эти темы, конечно же, вписывались в журнал и... оставались «за скобками». Но как-то в школу нагрянула проверка. Комиссия состояла из членов райкома партии, которые только в этих самых решениях съезда и разбирались. Поэтому, когда директор объявил тридцатиминутную готовность, я взял материалы съезда и стал спокойно подыскивать что-нибудь подходящее. Тема у меня была: «Двигатели внутреннего сгорания», опасаться было нечего. Тут из кресла донеслось что-то нечленораздельное: смесь воя неандертальца с российским арго. Учительская повернулась к историк, который выдавил из себя: «У меня сегодня Ярослав Мудрый...» Прошел урок. Доказав, что «Жигули» в полном соответствии с историческими решениями съезда к двухтысячному году покроют «мерседесы» и «бьюики» (их, замечу, никто не видел), как бык овцу, я довольный собой вошел в учительскую. Там стоял, курая прямо здесь (и для того времени это была наглость), наш историк. Выпустив изо рта дым и дождавшись всеобщего внимания, он поднял к небу палец и изрек всего лишь одно слово: «Связал!»

Так хочется, чтобы картину эту осмыслили повывлезавшие сегодня из всех дыр поклонники единого: идеологии, учебников, школьной формы, норм ГТО... Ну введем мы все это в школу, подкрепим законами и приказами... Уверен, ровным счетом ничего, кроме имитации, которая приведет к очередному падению школы как института, не получится. «Учите историю, господа-товарищи», — так и хочется сказать.

Но самым трудным делом считался педагогический совет по итогам успеваемости за четверть, полугодие или год (зарисовка номер три — по номеру, но не значимости). Директор (в нашем случае — ветеран войны, филолог, умница) выдавал процент успеваемости, который был определен школе. Этот самый процент от контингента учащихся определял количество потенциальных двоечников: своеобразный аналог педагогической продразверстки. Далее выписывались все претенденты на звание неуспевающего, затем они ранжировались по степени невежества (это, собственно, и было педагогическим действием), а потом... проводилась черта, отделяющая тех, кому повезло быть лучше, чем он есть, в угоду плановой педагогике.

Вот таким нехитрым способом система выдавала на-гора заведомо ложную информацию, которой сама вынуждена была пользоваться. Так раскручивался маховик, разгоняющий по разные стороны от себя жизнь реальную и виртуальную. Лицемерие было если не смыслом, то нормой жизни.

Здесь, вероятно, следует закончить просветительскую деятельность среди тех, кому меньше пятидесяти, и вернуться к анализу процесса крушения иллюзий.

В этой унылой определенности ориентиры молодых учителей стали умелые предметники, которые, экспериментируя на технологическом уровне, продолжали «давать» литературу, историю и математику, надеясь, что именно этот не сильно

новый процесс позволит школе развиваться, школьникам — приобрести социальный опыт и подготовиться к взрослой жизни. И у них многое получалось, хотя учили они не предмет, а предметом, как я понимаю сегодня.

Уверенность в правильном выборе образцов нам придавали раскрученные «Учительской» учителя-новаторы. Миллионы жаждущих настоящего образования сограждан восторгались, как у кого-то в классе куда-то исчезли тройки, а детки гуськом бежали на уроки, что меня, как и моих коллег завораживало и повергало в уныние одновременно: у нас-то так не получалось. Однако совершенное паломничество к Ильину* меня озадачило (все было просто блестяще, но уж больно гладко), к Шаталову** — ошеломило. Безумные учителя не пытались выведать у бесспорно талантливого учителя ту самую заветную тайну или познать принципы составления учебных материалов. Они в буквальном смысле дрались за копии опорных конспектов, выполненных перстами гения. В этих оттисках они видели чудодейственную силу, а там, где начинается обсуждение подобных «педагогических» приемов, мне становится как-то неловко...

Последний штрих к коллективному портрету учителей-новаторов мною был поставлен в 1988-м году. После просмотра серии телевизионных встреч с нашими героями, мы, руководители школ Куйбышевского района города Москвы, отправились

* *Ильин Евгений Николаевич, педагог-новатор, учитель литературы из г. Санкт-Петербурга, автор оригинальной концепции преподавания изысканной словесности. URL: http://shkola3000.ru/NEW_Ilin-Evgeniy-Nikolaevich.html*

** *Шаталов Виктор Федорович, педагог-новатор, народный учитель СССР (1990), разработал систему обучения с использованием опорных сигналов — взаимосвязанных ключевых слов, условных знаков, рисунков и формул с кратким выводом.*

ОТЗЫВЫ ЭКСПЕРТОВ

«Читаешь, и кажется, что прошлое проходит перед глазами, так точно обрисовал автор периоды реформ. Устали педагоги — это верно. Устали не потому, что слишком долго идут реформы и слишком незначительной оказалась их результативность. Устали, думаю, оттого, что почти все изменения спускались сверху, кто не подчинялся — ломали. Говорят, школа очень неповоротливый организм, учителя не любят перемен. Неправда! Школа просто зависит от министерств и ведомств, от всей бюрократической системы в целом, которая, провозглашая реформы, сама же и тормозит их развитие на местах. Так вот, от борьбы с этой бюрократической машиной и устали учителя».

«Очень интересный материал, потому что живой и эмоциональный, потому что искренний и увлекающий, хочется вступить в дискуссию. Со многим я не согласен, но это актуально, интересно и убедительно. Конечно, автор ностальгирует, но откровенно и делая важные обобщения».

на встречу с Игорем Волковым*, которая была организована... райкомом партии. В голове у меня замкнуло. Почти десять лет я безуспешно пытался быть таким, как ОНИ, но сделать это не мог потому, что делать этого было не надо. Потому что Шаталов — это Шаталов, а Каспржак — Каспржак. Потому, что работает он в Донецке, а я в Москве, история у нас разная, как и среда обитания. Потому что у каждого учителя должен быть свой и только свой особый авторский стиль.

Второе. Ничуть не умаляя правое дело учителей-новаторов (это именно они начали проламывать стену: один призыв к изменению отношений с учениками чего стоит, время-то было отнюдь не вегетарианское), они, сами того не желая, лили воду на мельницу пусть уже перестроенного, но все-таки райкома партии. В каждом взгляде сопровождающего из райкома просматривался немой укор: «Смотрите! Они ТАК могут, а вы?!» Вспомнился фильм «Светлый путь» и пришло осознание, что система образования, сама того не желая, стала последней гаванью стахановского движения. И мне стало неинтересно, так как к этому времени мы уже осознали, что там, где начинается битва за урожай, через некоторое время с неизбежностью будут введены продовольственные карточки.

Об общих делах, которые нас держали в школе

И все-таки несмотря ни на что школа нас держала. В поисках смыслов мы проходили по ступеням учительства, осваивая тяжелое ремесло предметника и па-

раллельно находя отдушину в свободной работе со школьниками. Во второй половине дня (танцы после комсомольского собрания) нас мало что сдерживало. Так появилась система, которую сегодня я бы назвал: событийность с элементами облегченного коммунарства.

Практика состояла в том, что многие хорошие школы жили от праздника к празднику. По сути, это были коллективные творческие дела, которые распределялись по учебному году, задавая направление деятельности всего ученического и педагогического коллектива. Именно они, эти самые ключевые мероприятия, становились для каждого значимым фактором жизни, то есть со-бытием. Содержание же и форма этих дел определяли незримо отношение данного коллектива школы к тому, что происходит за ее стенами.

Так, например, превращение Дня учителя в общинный праздник, оттеняющий обозначаемую формально дату очередной годовщины революции, следующую за ним, говорило о многом. Как и проведение вечера встреч выпускников в День дурака, или туристического слета как слепка со слегка самиздатовского Клуба самодеятельной песни. Причем делалось это неосознанно, ни капли диссидентства во всем этом не было. Мы были из той части интеллигенции, которая принимала и (или) относилась лояльно к идее всеобщей справедливости, глубоко презируя тот вариант «исполнения», в котором жили.

В этой связи не могу не вспомнить одно из ключевых мероприятий нашей школы образца начала 80-х. 14 декабря, в день восстания декабристов, практически вся школа оказывалась на Сенатской площади или на кронверке Петропавловской крепости в Питере. Говорили о Рылееве и Пестеле, Пушкине и, конечно же, Пушкине. Разговор шел о дворянах, которые попытались стать гражданами, осмелились думать не так. Звучали стихи, пелись песни. Потом младшие под опекой старших рас-

* Волков Игорь Павлович (р. 1927) — педагог-новатор, заслуженный учитель школы РСФСР (1982). Один из инициаторов педагогики сотрудничества. Разработал и проверил на практике систему выявления и развития творческих способностей детей. (Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. — М., 2002. С. 345.)

ходились на экскурсии, вечером группы встречались в поезде. Главная доблесть при этом состояла в том, чтобы не захандрить и утром 15-го прийти в школу.

Следует заметить, что этот посев давал всходы. В октябре 80-го ко мне на перемене подошла группа подростков и поинтересовалась, какие медикаменты являются самыми необходимыми людям, пострадавшим от землетрясения. Не особо задумываясь о возможных последствиях, я что-то сказал о бинтах, шинах, антисептиках и пошел на урок. Каково же было мое изумление, когда часа через 2–3 в школу стали звонить провизоры аптек, расположенных в округе, интересовались, что, собственно, у нас случилось, по какому такому поводу школьниками был выкуплен весь запас бинтов, йода и зеленки. Связав между собой полученный вопрос со звонками, я пошел по классам, где, как выяснилось, все приобретенное паковалось в коробки, купленные на почте. На них было написано: «Детям Алжира, пострадавшим от землетрясения. Московские школьники. Октябрь 1980 года». Не буду дальше рассказывать о том, что переправить посылку оказалось дороже собранного, что визит к нам в школу посла сопровождался прорывом трубы, что было расценено начальником РОНО как политическая диверсия и т.д., и т.п. Впрочем, что говорить о трудностях, которые как известно, для того и существуют, чтобы их преодолевать.

От всего этого педагогического пиршества мы получали неслыханное удовольствие, кайф, как в то время было принято говорить, который позволял нам не замечать (может, преодолевать) то самое лицемерие, и... оставаться в профессии.

Время перемен и перемены в школе

Апрельский пленум ЦК КПСС 1985 года объявил о начале перестройки и... началось. За несколько лет ушла, как теперь

ОТЗЫВЫ ЭКСПЕРТОВ

«Абсолютное попадание в десятку. По смыслу, по сути и по ощущениям — кажется, это наиболее доступное изложение “истории метаний и поиска” системы общего образования в контексте нашей истории последних 30 лет. При всем пессимистическом осадке рефлексивный оптимизм остается. И он в открытости и вариативности дальнейшего развития. Понятно, что назад дороги нет, но то, что будет впереди, — в руках думающих профессионалов. Как это и было всегда...».

«Интересно узнать целостный взгляд о произошедшем на наших глазах (в начале описываемых автором событий я была ученицей старших классов). Автор пытается вытащить на поверхность мучающий его, меня и, я думаю, подавляющие большинство людей зрелого возраста, работающих в образовании, вопрос: почему наши усилия не увенчались ожидаемым успехом, почему школа медленно, но верно возвращается в советское прошлое?»

Самостоятельность в выборе образовательной стратегии (иногда и политики) начала крушить несущие конструкции школы советской: бюрократизм, единообразие, централизацию...

выяснилось, только на время, ненавистная школьная форма, пионерия и комсомол приказали долго жить вместе с политинформациями, нормами ГТО и прочей атрибутикой организации, имеющей монополию на будущее.

Трудно себе представить, какой фурор вызвала в школе постановка памфлета Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца», заменившего оппозиционную «Баню» Владимира Маяковского вместе со всей патриотической классикой разом. Спектакль готовили всей школой, за роли шла недюжинная сеча, причем не только среди учеников, но и учителей. До премьеры спектакль на репетициях видели все, причем не по одному разу, и потому в зале перед каждым смеховым зарядом звучала то тут, то там: «сейчас, сейчас...» Царь, «дающий монологи» то южным говором Горбачева, то переходивший «на Сталина» (И ЭТО, оказывается, МОЖНО), каждой своей репликой вызывал гром аплодисментов. Текст делал все сам, говорил, что мир московский требует перемен в школе. И они пришли, забрав с собой стабильное финансирование и, как следствие, тщательный надзор. Началось время надежд. Для таких как я, ушибленных на всю голову сразу, это бы-

ло подарком судьбы. Мы творили и были абсолютно счастливы.

Самостоятельность в выборе образовательной стратегии (иногда и политики) начала крушить несущие конструкции школы советской: бюрократизм, единообразие, централизацию, передающиеся сверху до самого низа механизмы безразличия и зла и, что главное, то самое лицемерие, которое делало школу нашу приводящим ремнем империи ЛЖИ.

Каждая школа начала по-своему путь в новую Россию. Причем замечу, что концепции, проекты, программы и тем более путевые карты появились позже. Чаще всего руководители школ и учителя действовали «от здравого смысла», отсекая все лишнее, наносное и показное, что было в советской школе. Просто оно, это самое наносное, было всегда, а потому, играя роль привычного «гвоздя в любимом диване», особо не мешало: все знали, как надо сесть, чтобы не порвать штаны.

Мы страстно хотели «выйти из ряда», и в Москве появились гимназии, унылые номера школ заменили имена собственные. В авторских программах по литературе почти одновременно с выходом в свет появились запрещенные ранее произведения Булгакова и Солженицына, Довлатова и Оруэлла и т.д. Стремление к свободе породило элективные курсы и индивидуальные учебные планы, а освободившееся от пионерии и комсомола время заняли всевозможные кружки и клубы, вести которые согласились увлеченные чудики, которые шли в школу «на бурление», как полковые лошади на горн, и, конечно же, родители. Справедливости ради надо сказать, что процесс этот шел стихийно, но так позитивно, весело, что ни перегрузок, ни несоответствий санитарным нормам никто не замечал. Мы, учителя по должности, все время осваивали новое, практически в присутствии, часто вместе со школьниками, прямо в классе, что и делало нас учителями по сути.

Процесс десакрализации школы (учителя) как нельзя лучше лег на государственную идеологию, которая определена во всех документах: от Концепции ВНИКа* до Закона «Об образовании». Очень необычно было то, что провозглашенные сверху направления изменений: гуманизация, гуманитаризация, демократизация, деполитизация, прочие «заци» лишь оформили процессы, идущие в школах уже в течение нескольких лет. Одним словом, произошла революция, в которой практически не было противоборствующих сторон. Будущее только что родившейся отечественной школы виделось весьма радужным.

Почему так быстро угас революционный романтизм?

Если бы в 1991-м, скажем, мне бы дали почитать материалы о российской школе сегодняшней, то я бы сильно удивился, а вот в 1994–1995-м... уже многое просматривалось. Так *что* же произошло за первую ельцинскую пятилетку в образовании, почему благими намерениями дорога оказалась в *сегодняшнюю реальность* вымощена? Причин тому много, остановлюсь на трех, на мой взгляд, определяющих.

Романтики перестройки, пришедшие во власть, очень быстро сообразив, что политика — дело далеко не самое творческое, если не сказать довольно нудное (причина первая), ее покинули. Помните, как быстро не стало «во власти»: Афанасьева и Басилашвили, Рыжова и Ульянова

* В 1988 году приказом тогдашнего председателя Госкомитета СССР по народному образованию Г.А. Ягодина при Госкомитете был создан Временный научно-исследовательский коллектив (ВНИК) «Школа» во главе с известным педагогом Э.Д. Днепровым, который должен был разработать новую концепцию развития образования. В него вошли прогрессивно думающие педагоги и психологи.

ОТЗЫВЫ ЭКСПЕРТОВ

«Интересная статья. Особенно для меня — участника событий. Ироничный, иногда даже привередливый взгляд больше наблюдателя, чем участника. Или осторожного участника. Я думаю, если бы не было романтизма и свободного творчества восьмидесятых-девяностых, шаги вперед, о которых говорит автор, были бы еще скромнее. А для многих стало очевидным, что лучше свобода, чем зарегламентированность и законодательные тиски нашего времени».

и т.д. Им, состоявшимся в профессии людям, хотелось «сломать хребет» ненавистному строю и как можно быстрее вернуться к любимому делу.

До сих пор помню, как году этак в 1992-м или третьем я подошел к московскому лидеру Гавриилу Попову и поинтересовался относительно политических перспектив КПРФ. Получив нужный ответ, пошел и отказался от должности в Московском Совете. Началась перелицовка власти: романтиков перестройки заменили крепкие хозяйственники, которые со времен исторического материализма точно знали, что «политика — это концентрированное выражение экономики»**. Так начался путь к хорошо известному в нулевые годы принципу-лозунгу: «Деньги в обмен на обяза-

** Дешин В.И. ИСС, 5-е изд., Т. 42. С. 278.

тельства!», который хоть и звучит рыночно, но означает на самом деле следующее. Определять направления развития системы (причем не только образовательную политику, но и образовательные стратегии учреждений) будут только чиновники, имеющие не только менеджерские, но, что самое опасное, содержательные (образовательные) амбиции. Причина вторая — учителя устали. Очень быстро выяснилось, мир вообще и мир детства в частности меняется куда быстрее их возможностей. Медовый месяц свободы ушел в прошлое, надо было строить новое, а для этого, во-первых, надо было много-много работать, причем по-новому, преодолевая и даже ломая себя, а во-вторых, школы и учителя... Здесь самое время сделать отступление.

Блестящий журналист и экономист Отто Лацис ввел понятие «ускоренная индустриализация», которая, как известно, сопровождалась урбанизацией страны. Он писал: «Вчерашнему крестьянину, попавшему в город, применить преимущества своей сельской культуры почти негде, а на освоение городской культуры уходит жизнь целого поколения. На это время новобранец индустрии становится маргиналом, человеком без корней...»* Солидаризируется с ним и выдающийся сибирский писатель Виктор Астафьев. Он пишет: «Мы, получается, из деревни ушли, а в город так и не пришли...»**.

Куда я клоню, догадаться не так трудно: учитель российской школы не выдержал всех этих «защит», наложенных на хроническое безденежье. Он устал от перемен, ответственности как обязательного атрибута свободы, детей, в которых был разрушен каркас страха, и тут в нем сам по

себе, быть может, как защитная реакция проснулся традиционный советский учитель. Он опять стал делать то, что умел, не отвечая самому себе на главный вопрос: *зачем* он это делает. Ему опять стало удобно, комфортно и, что особенно важно, спокойно. За это спокойствие он готов... Впрочем, это уже тема совсем другого разговора.

И, наконец, третья причина отката назад состояла (да простят меня коллеги) в профессиональной несостоятельности лидеров инновационных школ, движений. Они, эти самые лидеры, чаще всего читали про Коменского, но не самого Коменского (это ничуть не мешало им проклинать его систему), про Дьюи слышали к сорока, Иллича прочли ближе к пятидесяти. Быстро стало понятно, что часть новаторов прикрывали поисками нового элементарное желание выделиться при невозможности выполнить какой-то прием лучше всех традиционным, классическим способом. Мне очень близок анализ принципов деятельности инновационных школ этого периода, проведенный в самом начале девяностых Исаком Фруминым***:

- Хорошо все новое;
- все старое плохо;
- учитель может делать все, что захочет;
- важен процесс экспериментирования, а не результат.

Педагоги инновационных школ, обуреваемые новыми идеями, могут объяснять, почему они хороши. Но они не готовы ответить на вопрос об опасности отказа от прежних форм работы. В отношениях с традиционными учителями, родителями авторы предпочитают пропагандировать, а не объяснять. По прошествии некоторого времени экспериментаторы или внешние

* Лацис О. Р. *Век России, урок России*. Фонд «Либеральная миссия», 01.10.2002. URL: <http://www.liberal.ru/articles/cat/887>

** Астафьев В. П. *Чтобы помнили* / URL: <http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=1183>

*** Доктор педагогических наук, профессор, научный руководитель Института образования НИУ «Высшая школа экономики», в 1980-1990-е директор красноярской гимназии «Универс».

наблюдатели обнаруживают, что реальность учебного процесса далека от мечты и замысла. Энтузиазм сменяется разочарованием. Это опасный период. Многие инновационные движения останавливались и разрушались в это время...»*.

Несколько слов в заключение

И все-таки, дорогие мои коллеги, судя по тому, как выглядит российская школа сегодня, мы кое-что сделали. Десятка два-три основательных инновационных проектов были реализованы в металле**, гимназии и лицеи, правда, не в том виде, который задумывался, наличествуют в каждом городе, курсы по выбору в федеральном учебном плане присутствуют. И школы ступеней в России есть, и международный бакалавриат не редкость, и погружения не пугают. То тут, то там (в том числе и в начальственных кабинетах) слышны разговоры о том, что научить —

это не просто вооружить ученика суммой знаний, как любили говорить во времена моей педагогической юности, а надобно учить школьника думать, самостоятельно добывать знания. В стандартах появились пока непонятные никому компетентности, единый государственный экзамен, в конце концов, введен...

Словом, работали мы, кажется, не зря. Но... почему все-таки так быстро прошел период революционно-педагогического романтизма, почему столь прогрессивные идеи, давно прижившиеся в школах развитых стран, были если не отторгнуты, то не приняты отечественной школой? Свой вариант ответа на этот вопрос я попробовал изложить, основываясь на рефлексии пройденного в профессии. Но... Каспржак-то, быть может, смещенная и явно нерепрезентативная выборка. Нужны исследования, хотя бы дискуссии. Не сделаем этого и... Второй «подход к снаряду» может стать не столь удачным, как хотелось бы. ●

Каспржак Анатолий Георгиевич,

*кандидат педагогических наук,
заслуженный учитель России, директор
Центра развития лидерства в
образовании Института образования НИУ
«Высшая школа экономики», Москва*

* Пути инновационной школы // Директор школы. 1993. № 4. С. 59–64.

** Речь идет о школах А. Тубельского, Е. Рачевского, А. Рывкина, Е. Ямбурга и т. д.